

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Анализируются подходы к феномену языка вражды. Показаны социальные аспекты темы, связь коммуникации с такими явлениями, как стереотипизация, дискриминация, стигматизация, предубеждения. Обозначена эмпирическая сложность в верификации явления «языка вражды» на уровнях социолингвистического анализа и правовой квалификации.

Ключевые слова: язык вражды, мы-группа, они-группа, стереотипизация, дискриминация, стигматизация, предубеждения, квазиполитический дискурс.

Oleshkova A.M.

HATE SPEECH IN SOCIOLINGUISTICS

In the article 'hate speech' is discussed from different perspectives, with its societal role being viewed alongside its relation to stereotypes, discrimination, stigmatization and prejudice. We also single out the empirical difficulty of hate speech analysis both in sociolinguistics and in the application of legal qualifications.

Key words: hate speech, us, them, stereotyping, discrimination, stigma, prejudice, quasi-political discourse

Обращение к феномену языка вражды или «hate speech» имеет общественную и научную актуальность. В современном мире обостренными представляются отношения как внутри различных социальных групп, так и между ними. Причем конфликтными или, как минимум, сложными можно назвать сюжеты практически из всех сфер жизнедеятельности общества, характерных для государств с разной политической культурой. Религия, спорт, шоу-бизнес, гендерные отношения, экономические процессы ит.д. – в этом ряду ключевой, системообразующей, является именно сфера политики, значимость которой, ее первоочередность, определяется с двух позиций: во-первых, сегодня возможна «политизация» фактически любого явления, во-вторых, в каждом примере, содержащем конфликтное основание, определяющим сюжетом является борьба за власть (будь то материальные ресурсы, или контроль за управлением повесткой дня, стремление к актуализации того или иного ракурса события). Таким образом, любой дискурс, развертывающийся вокруг актуальных событий, ставших таковыми объективно или посредством медиа, можно обозначить как квазиполитический, поскольку фактор идеологии и борьбы за властный ресурс (в широком и

узком смысле слова) являются определяющими при трактовке сути коммуникации.

Важным критерием для активизации той или иной темы в сознании общественности является упомянутый фактор медиа: попадает или нет событие в медиа повестку, и на каком именно ресурсе это событие представлено. В самом общем виде материалы взаимного «угнетения» тех или иных социальных групп можно поделить на два блока. С одной стороны, существуют объективно, во многом в длительной исторической перспективе бытующие конфликтные сюжеты, как например, взаимоотношения различных религиозных групп, с другой стороны – разворачиваются сконструированные ситуации, которые, конечно, могут иметь под собой основания для конфликтности, однако, во-первых, спорно само их наполнение тем или иным семантическим значением, во-вторых, основа конфликта находится не только в плоскости двух групп, о которых идет речь и которые противостоят друг другу, но важность имеет контекст и конкретный исторический период, а также иные факторы, которые могут быть названы экстралингвистическими или социокультурными.

Как следствие, минимум, что нужно представлять исследователю, который берется за обозначенную тему и пытается применить соответствующий категориальный аппарат – это объект вражды (в том числе требуется понимание сути конфликта, если он есть) и способ (методология), в соответствии с которым мы квалифицируем используемый тип коммуникации как «язык вражды».

Во многом трудности в верификации «языка вражды» на юридическом уровне связаны со спорностью терминологии, что является nonsensом для правовой сферы, по определению, нуждающейся в гипер конкретизации и прозрачности используемого языка и понятийного аппарата.

Среди понятий, нуждающихся в самостоятельном, отдельном изучении, можно выделить «экстремизм», «радикализм» и «терроризм». При этом не менее сложны для понимания, разграничения и выявления «стереотипов», «предубеждений», «дискриминации». Так, если последний термин имеет правовое наполнение и сопровождается негативными санкциями, то первые два, во-первых, сложно определить, во-вторых, они не являются однозначно порицаемыми категориями, тем более, следует учитывать, что «стереотипы» подразумевают упрощение реальности, а не ее искажение.

Существует ряд стратегий, в рамках которых, скорее, стоит говорить об этическом и «индикаторном» смысле феномена «языка вражды», то есть когда исследовательские попытки увенчаны определенным успехом, при всей спорности их результатов, для ученого это сигнал о том, что в обществе отсутствует консенсус по ряду вопросов, есть неразрешенные или назревающие противоречия. Правовой аспект всегда следует иметь в виду, однако он должен быть предметом отдельного анализа, не предполагаю-

щегося в данной работе, в которой отмечены некоторые чувствительные зоны, нуждающиеся в пристальном внимании.

Следует отметить, что любые демократические государства и общества рано или поздно сталкиваются с проблемой разграничения сфер возможного и табуизированного. Если применительно к действиям, поступкам существует относительный консенсус, то регламентации речи гражданина – по-прежнему спорная тема.

История непосредственного вхождения понятия «язык вражды» в отечественное правовое поле охватывает и советское, и российское право XX века. Однако активное использование этой категории началось с середины нулевых. Вторым всплеском применения понятия в правовом аспекте является диапазон с 2013 г. по настоящее время. В лексикон обывателей и профессиональных юристов вошло понятие «оскорбление», первоначально связанное с делом «Pussy Riot», на фоне которого сформировалось устойчивое выражение «оскорбление чувств верующих» (2013 г.). При этом стоит понимать, что, согласно Конституции, ст.23, предполагается всеобщая «защита чести» и «добраго имени» [3] вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе.

Актуальным и незавершенным кейсом является сюжет, связанный с выборами в Московскую городскую думу (сентябрь 2019 г.), периодом подготовки к ним и, впоследствии, судебными разбирательствами. На сегодняшний день важную роль в судебной практике играют лингвисты, другие ученые, предоставляющие экспертизу относительно наличия или отсутствия призывов к противоправным действиям.

Важным представляются дискуссии вокруг принятия «пакета Клишаса» (2019 г.), «пакета Яровой» (2016 г.), внедрение тестовых версий по борьбе с оскорблениями в социальных сетях (2019 г.). Обозначенные пакеты законопроектов и законов имеют в качестве оговоренной цели борьбу с терроризмом и экстремизмом, а также противодействие «фейковым» новостям, оскорблению власти. Отдельно следует отметить законопроект об уголовной ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков (2019 г.). Таким образом, существует целый комплекс законов и законопроектов, напрямую или косвенно связанных с темой, и в целом, претендующих на регламентацию поведения «говорящего субъекта». Стоит отметить, что на сегодняшний день акцент явно сделан на контроле над Интернет-пространством. Существует разнообразие инициатив, следует прогнозировать их рост, новые правовые трактовки позволяют иначе воспринимать и квалифицировать слова отдельных граждан, представителей социальных групп, объединений и государств.

Важным сюжетом, в определенной степени сегодня снижающий свой накал, являются события на Украине, период смены власти и ситуация вокруг Донбаса и Луганска (2014 г. и вплоть до настоящего времени). В рамках данных процессов актуализировалось противостояние сторонников и

противников перемен в украинском государстве. При этом «язык вражды» далеко не всегда связан с конфликтными ситуациями, а может касаться вполне повседневных или кажущихся повседневными явлений. Отдельной темой, например, является гендерный вопрос и как самостоятельный, и в контексте достижений женщин в разных сферах, например, в политике или спорте.

Следует отметить, что российское правовое поле не является изолированным. Так, комитет министров совета Европы определяет «язык вражды» как все формы самовыражения, связанных с провоцированием расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других форм вражды на основе ненависти [5, с. 9].

В сборниках российского информационно-аналитического центра «Сова» можно найти описание методологии анализа «языка вражды» и кейсов, к которым оказывалась применима данная категория [6]. Общей проблематикой, в которую вписывается изучаемая тема – интолерантность СМИ, особую значимость и интерес имеет два сюжета: религиозные и этнические факторы. Хотя, безусловно, враждебность может быть понята и в иных аспектах, в зависимости от групповой принадлежности субъектов, которые подвергаются притеснениям и речевой агрессии.

Существуют различные классификации «языка вражды», в частности, деление на «жесткий», «средний» и «мягкий». Согласно определению «мягкого» «языка вражды», важным является пункт, касающийся упоминания социальной группы или ее представителей в унижительном контексте [4]. То есть теоретически под данную категорию может попадать любой группой, которая имеет признаки социальной группы. При этом как раз данный пункт, с позиции правоприменительной практики, представляется недостаточно конкретным. Поскольку как легко доказать, так и не составит труда опровергнуть факт того, что перед нами именно социальная группа, а не нечто иное.

Социолингвистический подход позволяет учесть особенности языка, характерного для конфликтных процессов, применить его к различным социальным группам. С позиции интерпретативной социологии, возможно выявление и определение социальной ситуации, в фокус внимания попадают повседневные практики, в том числе конфликтного характера. В контексте социолингвистики возможны и проводятся исследования конструирования образа врага и негативных идентичностей, языка тоталитарных обществ [2, с. 89].

Как следствие, коммуникацию следует понимать как взаимодействие со всеми производными социальными составляющими. Коммуникация может сопровождаться явной или скрытой, сознательной или нет дискриминацией и предубеждением относительно субъектов, на которых она, коммуникация, направлена. Согласно модели Р. Якобсона, можно проиллюстрировать механизм функционирования любого языка, в том числе

«языка вражды», через референтивную, эмотивную, фатическую, конативную, металингвистическую функции [1]. При всей сложности выявления дискриминации, учитывая ее пересечения с представляющимися более нейтральными явлениями «стереотипизации», «стигматизации», «язык вражды» подразумевает девальвацию ценностей «они-группы», нивелирование их субъектного статуса и общее расчеловечение оппонента. «Язык вражды» придает эмоциональную сплоченность одним вокруг других. В этом случае происходят сложные процессы консолидации и самосознания обеих групп («мы-группы», «они-группы»), конечно, в том случае, если мы имеем дело с парными группами, теоретически, групп может быть больше и линий взаимодействия тоже.

В конечном счете, если специалистом, действительно, выявлен «язык вражды», следует понимать, что его систематическое воспроизводство в публичном пространстве, медиапространстве ведет к делегитимации «они-группы», которой отказывается в равноправном статусе с «мы-группой», их ценности не рассматриваются как альтернативные и не считаются теоретически одобряемыми и возможными в большем масштабе, чем на данный момент.

Функционал «языка вражды» позволяет кристаллизировать и укрепить положение как «мы-групп», так и «они-групп». Обозначенный функционал, с одной стороны, может являться индикатором для экспертного заключения по выявлению «языка вражды», с другой – данная и любая иная модель не защищена от формализма и не гарантирует однозначные трактовки не только степени выраженности «языка вражды», но даже его присутствия, отсутствия в анализируемом контексте. В этом отношении спорными и неоднозначными являются как социологический, так и правовые трактовки феномена «hate speech».

Список литературы

1. Гладилин А.В. Язык вражды как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №11 (19). // Киберленинка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (дата обращения 4.11.2019).
2. Даниленко О. А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии // Социс. – 2006. – №4. С. 89-98.
3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 4.11.2019).
4. Признаки языка вражды в текстах. Классификация «СОВА» и XenoMonitor [Электронный ресурс]. URL: <https://gaypress.eu/2016/09/23/priznaki-yazy-ka-vrazhdy-v-tekstah-klassifikatsiya-sova-i-xenomonitor/> (дата обращения 4.11.2019).
5. Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты. / Под редакцией Г. Ю. Араповой / Воронеж: ОООФирма «Элист», 2011 – 128 с.

6. Язык вражды против общества: (сб. статей) / сост.: А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2007. 259 с.: табл. (Научное издание).

УДК 364.07

Панкратова Л. Э.

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В статье рассматривается тенденция возрастания роли некоммерческих организаций в решении социальных проблем в современной России, на примере развития НКО в Свердловской области. К традиционному перечню субъектов социальной работы добавляются сегодня и общественные, благотворительные, волонтерские организации. Это способствует снижению патернализма и развитию гражданского общества в России.

Ключевые слова: социальная работа, некоммерческие организации, субъекты социальной работы, социальная политика.

Pankratova L. E.

NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS A SUBJECT SOCIAL WORK

The article discusses the trend of increasing the role of non-profit organizations in solving social problems in modern Russia, on the example of the development of NGOs in the Sverdlovsk region. To the traditional list of subjects of social work are added today and public, charitable, volunteer organizations. This contributes to the reduction of paternalism and the development of civil society in Russia.

Keywords: social work, non-profit organizations, subjects of social work, social policy.

Социальная работа как вид профессиональной деятельности и социальный институт в современной России, начиная с 90-х годов XX века, претерпела значительные трансформации. И государству, провозгласившему себя в Конституции РФ 1991 года социальным государством, и населению, испытывавшему на себе все трудности адаптации к новому социально-экономическому и политическому порядку, были очевидны необходимость профессиональной социальной помощи людям, в трудной жизненной ситуации. В глазах населения, имеющего определенные черты патерналистского менталитета, социальная работа должна была олицетворять помощь со стороны государства слабозащищенным слоям населения. Понимание социальной работы сводилась зачастую исключительно к социальному обеспечению. Именно такие ожидания от социальной работы были у насе-